

Межгрупповые отношения как фактор террористической активности: межгрупповой и социальный уровни анализа

В. А. Соснин

Аннотация: в статье анализируются на разных уровнях социальной организации межгрупповые отношения как фактор террористической угрозы.

Ключевые слова: террористическая угроза, предпосылки терроризма, терроризм, жертва, международный терроризм, социокультурная идентичность.

Глобальный характер террористической угрозы, рост числа и масштабов терактов подталкивают психологическую науку к изучению терроризма как социально-психологического явления. Предметом анализа становятся не столько непосредственные исполнители террористических актов (хотя проблематика индивидуальной мотивации террористической деятельности остается в сфере внимания), сколько психологические механизмы воздействия терактов на их жертв и общество в целом (в особенности анализ посттравматических расстройств и поиск путей и способов снятия этих состояний), а также социальные и культурные истоки терроризма.

Жертвой современного терроризма становится все общество, а не только отдельные социально-политические группы, на которые, в конечном счете, направлена террористическая активность. Ожидание новых терактов и связанные с этим острые аффективные переживания оказывают более травмирующее воздействие на психологическое состояние населения, чем уже осуществлен-

ные теракты, ужесточая тем самым психологические последствия террористических действий (Sederer, Ryan, Rubin, 2003; Решетников, 2004; Тарабрина, 2003; Ениколопов и др., 2004). Сочетание анонимности террористической угрозы, непредсказуемости террористических атак, массовости их жертв с чувством неконтролируемости собственной судьбы и личной уязвимости дестабилизирует общество.

На макроуровне основными предпосылками терроризма являются факторы, связанные с переходным состоянием сообщества (Moghaddam, Marrsella, 2004; Паин, 2002). К ним относятся: низкий статус социальной группы, отсутствие у ее членов надежды на социально-экономическое благополучие в рамках своей группы, разрушение традиционной системы ценностей, anomia общества. На личностном уровне в качестве факторов активизации террористической активности выступают: фрустрация, кризис культурной идентичности, переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения.

Важной психологической особенностью современного глобального терроризма является отсутствие его локализации, единого центра, из которого направляется террористическая деятельность во всем мире, ее сетевая природа (члены террористических сообществ часто знают лишь одного связного или контактируют друг с другом через Интернет).

Как представляется, базовыми причинами усиления международного терроризма в современном мире являются социально-культурные противоречия, «цивилизационный разлом мира». Политико-экономический раскол мира на богатые и беднейшие страны, усиленный существенными различиями в восточном и западном мирозерцании, является «питательной почвой» для формирования образа врага во всех террористических сообществах. Поэтому акции одних террористов могут стать сигналом для других, несмотря на отсутствие координации их действий неким единым центром. Рост ксенофобии вызывает «чувство второсортности» у этнических меньшинств и расширяет число потенциальных сторонников и участников террористической деятельности. Таким образом, теракт замыкает порочный круг, подкрепляя убеждение террористов в справедливости их действий и отсутствии легальных путей изменения ситуации, создавая ложное чувство осмысленности, исторической значимости их жизни и смерти, причастности к национальному героико-террористическому пантеону.

Проблематика терроризма в отечественной психологической науке стала интенсивно исследоваться с начала 1990-х годов. Стимулом для исследований послужило проведение круглого стола «Психологи о терроризме», организованного в 1994 г. журналами «Государство и право» и «Психологическим журналом», в котором приняли участие специалисты разных психологических ориентаций. За круглым столом были обсуждены различные аспекты этого феномена и связанные с этим практические задачи. Главное, что было зафик-

сировано на этой встрече, – обоснование системности и сложности этого социального феномена. Было признано, что терроризм имеет этнические, религиозные, социально-экономические и идеологические причины. Его основу составляют осознание несправедливости в распределении мировых экономических ресурсов, недостаточность каналов коммуникации, традиционное применение насилия, существование экстремистских групп, слабость политического руководства стран, эрозия доверия к существующей власти и глубокие разногласия элит. Начиная с этого периода, возрастает интенсивность проведения теоретических и прикладных исследований в данной области; проблема терроризма становится предметом активного профессионального обсуждения. Отечественные психологи включаются в международные исследовательские проекты, в частности, принимают участие в постоянно действующей международной конференции «Мировое сообщество против глобализма, преступности и терроризма» (2004), организаторами которой являются «Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум», «Национальный антикриминальный и антитеррористический фонд (Россия)» и Комитет Государственной Думы РФ по безопасности. К числу значимых событий в жизни психологического сообщества последних лет, направленных на предотвращение террористической угрозы, относятся участие психологов в ряде междисциплинарных форумов, организованных Институтом психоанализа, возглавляемого М. Решетниковым, а также в работе конференций, проводимых по инициативе правоохранительных органов, круглого стола «Терроризм в

современном мире» (2005) в журнале «Вопросы философии» и др.

Международный терроризм и социокультурная идентичность

Социокультурный подход к анализу проблемы терроризма, к анализу социально-культурных условий и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп признается многими исследователями одним из наиболее перспективных (см., например: Moghaddam, 2004; Ditzler, 2004).

При этом подчеркивается, что эти условия не обязательно неизбежно связаны с включением той или иной социально-культурной группы в террористическую деятельность. Просто эти условия повышают потенциальную вероятность такого исхода.

В социокультурном подходе к проблеме мотивации терроризма меньше внимания уделяется проблеме индивидуальной мотивации (Pearlsein, 1991), хотя признается ограниченная полезность индивидуально-психологического подхода. Обычно в анализе криминального поведения делается акцент на идентификации психологического профиля террориста, на диспозиционных характеристиках индивидуального уровня. Однако такой подход считается менее эффективным при изучении проблемы терроризма в целом.

В отличие от большинства «чистых» преступников *террористы абсолютно убеждены, что правда и справедливость на их стороне*; и эта убежденность возникает из соответствующих мировоззренческих взглядов на жизненное устройство.

Установлены следующие основные положения социокультурного подхода к

анализу проблемы терроризма:

1) наиболее эффективным подходом к пониманию терроризма является культурно-идентификационный и групповой анализ этого феномена, а не индивидуально-диспозиционный (Moghaddam, 2002);

2) социально-культурный анализ дает возможность исследовать и идентифицировать культурный профиль условий, повышающих вероятность формирования и развития потенциальных террористических групп;

3) наиболее фундаментальной характеристикой культурного профиля потенциальной террористической группы являются *групповые стили восприятия социальных изменений и стабильности общества*;

4) наиболее важные *«предусловия»* возникновения террористической группы одинаковы независимо от того, являются ли эти группы антигосударственными или спонсируемыми государством (Moghaddam, 2004, p. 104).

Таким образом, при социокультурном подходе делается акцент на *характеристике универсальных культурных условий*, дающих рост формированию потенциальных террористических групп, признаются фундаментальные отличия в поведении различных террористических групп во всем мире (исламских и еврейских; католических и протестанских и т.п.). Хотя эти различия достаточно важны, все террористические группы возникают при конкретных культурных условиях, связанных с социально-культурной идентичностью и имеющих универсальные черты.

В целом социокультурный подход к анализу проблемы терроризма сформировался на основе исследований систем

убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социально-культурной идентичностью, и других характеристик террористических групп (см., например: Blazak, 2001; Kaplan, Marshall, 1996; Rapoport, 2001; Atran, 2003; и др.). Согласно социально-культурному подходу, существует ряд положений, при которых совокупность культурных условий с наибольшей вероятностью усиливает возникновение потенциальных террористических групп независимо от индивидуальных характеристик их участников:

- по отдельности каждое условие не будет являться значимым индикатором возникновения потенциальных террористических групп в обществе;
- совокупность культурных условий (индикаторов) – это нечто большее, чем простая сумма этих условий (т.е. проявляется системный эффект);
- даже когда все условия присутствуют, остается возможность у потенциальной террористической группы избежать активного включения в террористическую деятельность;
- несмотря на то, что все культурные условия играют важную роль, два условия – *изоляция потенциальной террористической группы от основного общества и специфический стиль восприятия социальных изменений* – играют особую роль в «катализации» возникновения террористических групп; их следует рассматривать особо.

Культурные условия и предпосылки, способствующие возникновению потенциальных террористических групп, можно рассматривать как расположенные на континууме: на одном полюсе группируются культурные условия, связанные с социетальными и структурными характеристиками, на другом – с индивиду-

альными восприятиями. При этом важно рассматривать эти индивидуальные характеристики как возникающие из культурно обусловленной социализации, как основанные на типе культуры, а не как внутренне и имманентно присущие отдельным индивидам.

Исходя из этих предпосылок, выделяются следующие самые общие положения, связанные с конкретными социально-культурными условиями и особенностями социально-культурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп в обществе:

- восприятие изолированности социально-культурной группы зачастую исходит из намеренного притеснения и исключения ее из жизни социума (или шире – из восприятия той или иной нации, государства, его национально-культурной мировоззренческой или религиозной ориентации как не соответствующей общим тенденциям мирового развития);
- противопоставление «доброй божественной воли» и «дьявольской воли»;
- восприятие существующего общества как незаконного и несправедливого;
- восприятие необходимости и потребности радикального изменения общества;
- убежденность в том, что идеальное общество – это цель, которая оправдывает средства для ее достижения;
- убежденность в том, что акты терроризма – это эффективное средство дестабилизации существующего несправедливого строя.

В этой связи многие исследователи терроризма – представители *не западной*

социально-культурной ориентации – обращают особое внимание на то, что для более объективного анализа этого системного феномена западным исследователям полезнее исходить не из своих этноцентрических ориентаций, а объективно признать важную роль культурных условий возникновения этого феномена, в том числе – мотивацию и поведение террористов-самоубийц. Для более объективного подхода им полезно объективно осмыслить историю самой западной цивилизации, в которой самопожертвование, мученичество, героизм и т.п. ради сохранения своей независимости, социально-культурной идентичности были широко распространены и одобряемы (Modhaddam, 2004, p. 117).

Вообще правильное понимание мотивации самопожертвования человека ради групповых интересов невозможно без рассмотрения более широкого социально-культурного контекста, в рамках которого формируются представления «о хорошем солдате», «хорошем христианине», «хорошем мусульманине» и вообще – «о патриоте своего Отечества», нации, о нравственных ценностях своей религии.

В этой связи с позиций социокультурного подхода к проблеме терроризма главное внимание необходимо направлять на анализ, устранение социальных и культурных условий и соответствующих социально-психологических процессов, дающих рост групповому насилию (Staub, 2004, p. 151).

Прежде всего, массовое насилие – это следствие трудных условий жизни в обществе, тяжелых экономических проблем, политических конфликтов, быстрых социальных изменений, социально-культурной, религиозной и политической

дискриминации или комбинации этих факторов. Все это оказывает большое психологическое воздействие на психику человека. В общей массе населения они фрустрируют базовые потребности людей – потребности в безопасности, положительной идентичности, чувстве эффективности течения собственной жизни и контроля над ним, ощущении надежных перспектив своего существования (Burton, 1990). С другой стороны, конфликт между социально-культурными группами в обществах, особенно в отношении «витальных» потребностей, приобретает особую значимость. Кроме материальных составляющих (экономических, трудностей разделения территории и т.п.), они связаны с психологическими составляющими феномена терроризма – это часть культурной идентичности. Поскольку базовые потребности воспринимаются фрустрированными и связанными с социально-культурной идентификацией, это превращает конфликт в трудноразрешимый.

Базовые различия между группами в обществах – во властных позициях, привилегиях, перспективах развития, социально-культурной и религиозной специфике – могут существовать длительное время без насилия. Однако когда группа начинает испытывать депривацию своих витальных потребностей и приходит к осознанию того, что ее положение в обществе несправедливое, конфликт может актуализироваться.

Базовый мотив стремления к справедливости, естественно, трактуемый разными социально-культурными группами в соответствии с их положением в обществе, в мире в целом и со специфической социально-культурной идентичности, становится составной частью стрем-

ления к сопротивлению и, в конечном счете, – к использованию терроризма как крайнего средства выживания группы в борьбе за справедливость.

Одним из важных и «трудных условий» современного мира являются быстрые и масштабные культурные изменения. Традиционные коллективистские общества, которые отвергают свободу самовыражения граждан в западно-либеральном смысле или изменение религиозно-идейных основ существования, сталкиваются с особыми трудностями. Перед этими странами встают принципиальные проблемы духовно-нравственного и религиозного плана, связанные с невозможностью принятия ценностей западной цивилизации.

В условиях экспансии западной парадигмы существования жесткое разграничение на «Мы» и «Они» по социально-культурным основаниям и религиозным ценностям являются именно базовыми психологическими установками, создающими условия для возникновения современного феномена терроризма.

Кроме того, как утверждают многие исследователи проблем терроризма (Staub, 2004, p. 155), международная политика США и негативные реакции на ее осуществление во многих регионах мира объективно вызывают рост причин и мотиваций для террористической деятельности в современном мире. В этом смысле Соединенные Штаты независимо от своих национальных интересов в определенной степени являются «козлом отпущения», ответственным как главный организатор культурных изменений в мире за эти изменения, которые трудно воспринимать традиционным обществам. Одно из явлений, которое может стимулировать рост насилия – это

«обесценивание» социально-культурной группы в обществе. Поэтому бедные слои населения, ограниченные в своих правах и властных позициях, могут присоединяться к группам и движениям, декларирующим в своих целях изменение социального порядка (Pilisuk, Wang, 2002).

Для успешной борьбы с терроризмом необходимо обращать максимальное внимание на причины формирования чувства безысходности, потери перспектив жизненного развития и надежд у широких масс населения с точки зрения удовлетворения базовых потребностей существования. Это требует установления идеологии плюрализма, «демократии и экономического развития для всех», достойных материальных условий и удовлетворения психологических потребностей людей и групповых образований (Staub, 2004, p. 167).

Разработка соответствующих мер противодействия терроризму, ослабления соответствующей мотивации, программ восстановления баланса в обществе должна начинаться с оценки целей терроризма, его мотивации и реализации действий террористов. Опыт показывает, что есть общие основания мотивации терроризма, социально-культурные и контекстуальные факторы, способствующие его актуализации. Можно сделать ряд обобщений, касающихся взаимосвязей между целями, тактиками и особенностями средств выполнения террористических действий (Ditzler, 2004, p. 188):

- террористы обычно представляют специфические национальные группы;
- их тактики обычно являются асимметричной формой вооруженной борьбы, аналогичной традиционным формам партизанской борьбы;

- их мотивации в целом являются политическими или культурно обусловленными даже в тех случаях, когда террористические действия на индивидуальном уровне соответствуют общепринятым формам совершения преступных действий;

- террористические действия обычно направляются на мирное население.

Терроризм и поиск идентичности: мотивационная функция социокультурной идентичности

Как же действует механизм психологической идентичности (в широком смысле), обуславливающий формирование условий, способствующих «укреплению и пополнению» рядов террористов (т.е. мотивации террористической деятельности)?

Теория социальной или коллективной идентичности позволяет дать ответ на подобные вопросы. Она не заменяет анализа других психологических и социально-психологических процессов в понимании феномена терроризма, но является важным социально-психологическим инструментом анализа, обеспечивающим более глубокое понимание условий, способствующих возникновению терроризма.

Исходя из определения терроризма как экстремальной формы политической или религиозно мотивированного насилия, рациональной основой террористических действий могут выступать следующие макрофакторы. Во-первых, некоторые социально-культурные группы не могут защитить свои жизненные интересы и ценности от экспансии более сильных групп и тем самым достичь своих политических целей обычными средствами (в том числе и военными) просто

в силу своей слабости (экономической, военной и т.д.). Во-вторых, они не могут привлечь внимание противников и победить политическими средствами в силу их маргинального положения в идеологическом плане. Поэтому террористическая деятельность и ее направленность на мирное население «противника» с целью ввергнуть его во всеохватывающую атмосферу страха, возмущения и социальной поляризации может оказаться единственным средством, доступным для таких групп, совершенно не способных «сопоставиться» с более сильным противником в военном или политическом плане.

Теоретический конструкт Я-концепции, в широком смысле включающий как индивидуальные, так и социальные компоненты (см., например: Журавлев, Соcнин, Красников, 2006), общепризнано считается одним из центральных для объяснения человеческого поведения, в том числе может с успехом применяться для раскрытия мотивации терроризма (Taylor, 2002).

Теория социальной идентичности предлагает четыре основных концепта для анализа межгрупповых отношений: самоидентификацию (категоризацию), самооценку, личностно-индивидуальную идентичность и коллективную, или групповую, идентичность. Традиционно при анализе поведения людей с использованием теории Я-концепции акцент делается на ее индивидуальных компонентах: личностной идентичности и самооценке. Однако многие исследователи предлагают сместить акценты: для более глубокого понимания динамики межгрупповых отношений правильнее отдавать приоритет именно групповой, коллективной идентичности, поскольку личност-

ная идентичность и самооценка – это производные составляющие Я-концепции (Taylor, 2002). Несмотря на то, что личностная идентичность и самооценка являются центральными для индивидуального функционирования личности, личностную идентичность невозможно сформировать без коллективной как основного базиса для самооценивания. Именно поэтому коллективная идентичность обладает «психологической приоритетностью», что имеет колоссальные последствия для мотивации терроризма (Taylor, Louis. 2004, p. 173).

В целом индивид без ясного определения своей коллективной идентичности не может сравнивать себя с другими людьми и формировать индивидуальную идентичность. В этом отношении коллективная идентичность террористической организации определяет для ее членов групповые убеждения, ценности, установки и жизненные цели. Более того, она конкретизирует пути и способы усвоения индивидом своих личных ценностей и жизненных целей. В этом плане индивидуальный террорист начинает думать, что у него есть воля, убежденность, что он делает самостоятельный выбор и несет индивидуальную ответственность за этот выбор. Однако личностная идентичность может быть определена только на основе коллективной.

Исходя из этих положений, каждый индивид имеет множество идентификаций: от этнических и гендерных групп до групп проведения досуга. Тем не менее одна из групповых идентификаций имеет для индивида главное, превалирующее значение: это его социально-культурная, а в ряде случаев религиозная коллективная идентичность. Культурная и религиозная идентичность имеют осо-

бый статус, поскольку охватывают все аспекты личной жизни человека. Культура и религия неразделимы, поскольку оба этих аспекта жизни являются для человека всеохватывающими (Соснин, 2002). Благочестивые евреи, мусульмане, буддисты и христиане действительно относятся к своей религии как к критерию оценки любого аспекта своей жизни. Поэтому культура и религия могут рассматриваться как явления, имеющие в основе социально-культурную идентичность.

В этой связи возникает вопрос: почему религиозная и культурная идентичность так важна для людей? Кроме других частных идентичностей (профессиональных, поло-ролевых и т. д.), культурная коллективная идентичность дает человеку основу и критерии поведения в различных сферах жизнедеятельности, включая структуру семьи, воспитания детей, приемлемое поведение с представителями противоположного пола и старшими, понимание того, как относиться к смерти, к проблемам взаимности, статусов в профессиональной сфере и объяснения непонятных событий. Культурная идентичность обеспечивает людям объяснение их истории, своих групповых целей и приемлемых способов их достижения.

В этой связи наиболее важным для анализа мотивации терроризма с точки зрения социально-культурной перспективы становятся не объективные стандарты бедности людей традиционных обществ сами по себе, а степень разрушения коллективной идентичности в целом. Другими словами, культурная идентичность дает ее носителям чувство структурной рациональности общественного устройства, понимание того,

как ориентироваться и организовывать свою жизнь в соответствии с канонами и нормами общества и понимание того, что ценно в жизни и к чему необходимо стремиться.

Глобализация мира по западным ценностным образцам диктует всем обществам единую ценностно-культурную парадигму – фактически замену своей социально-культурной идентичности, установленной системы норм и ценностей на другие, которые вступают в тотальное противоречие с прежней культурной идентичностью.

Стремление представителей традиционных обществ сохранить свою прежнюю культурную идентичность не является чем-то новым. В этой связи встает вопрос: какие социальные группы традиционных обществ наиболее уязвимы при столкновении с этими изменениями? Именно молодые люди становятся жертвами подобных изменений. Именно они, ориентированные на будущее, испытывают наибольшую неопределенность и беспокойство, поскольку у них нет ясно сформированной коллективной идентичности, обеспечивающей им ориентиры самоопределения и формирования положительной личностной идентичности как основы для достижения своих индивидуальных жизненных целей.

В момент глубоких социальных изменений кто страдает больше всех? Это именно молодое поколение традиционных обществ. Эти молодые люди, рожденные в условиях «изначального» отсутствия равных перспектив для индивидуального развития переживают чувство тотальной безнадежности, хотя и не обязательно побуждаются к политическим действиям. Не имея возможности сформировать новую коллективную

идентичность, эти молодые люди, изначально не имеющие равных возможностей для своей самореализации, будут испытывать состояние всеохватывающей демотивации и аномии.

Вот, например, описание бедственного положения молодых людей в лагерях беженцев: «Около шести миллионов перемещенных лиц живут в лагерях беженцев по всему миру. Некоторые из них являются беженцами в третьем поколении. Они не имеют никакого официального статуса, никаких возможностей для образования, работы, санитарных и социальных условий для нормальной жизни. Каждый представитель подобных лагерей надеется найти прибежище в той или иной стране и как-то реализовать свои возможности, и вместе с тем каждый из них знает, что их шансы равны нулю» (Palmer, Taylor, 2002, p. 178).

Однако что будет происходить с теми молодыми людьми из этой среды, которые получили образование и имеют возможность слушать BBC или «Голос Америки», т.е. теми, кто имеет относительно привилегированное положение в своем обществе? Именно эти амбициозные молодые люди, понимая угнетенность своей социально-культурной группы (своего общества) – наиболее вероятные кандидаты не только для вступления в террористическую организацию, но и для руководства ею.

Существенной чертой функционирования коллективной идентичности является не только детерминация тех или иных аспектов человеческого существования, ценностных аспектов жизнедеятельности, но и способов и условий их достижения (как уже говорилось, она выполняет функцию объяснения того, почему конкретная «группа не достигает

такого же успеха, как и другие культурные группы»).

Во многих странах с традиционным коллективистским типом культуры (особенно в странах мусульманского мира), где уровень ограничений и депривации в личной жизни их членов достаточно высок, люди не могут «конструировать» и инкорпорировать в свою социально-культурную идентичность новое понимание социальных условий, ограничивающих их свободное развитие.

Как только одна из наиболее сильных в мире культур – западная в целом и американская в частности – начинает восприниматься, оцениваться и рассматриваться в качестве единственной и исключительной причины депривации и ущемления стран с коллективной идентичностью, результирующий вывод становится неизбежным. Достижения могут реализовываться только посредством освобождения мусульманских стран от ущемленного положения в современном мире. И это может быть достигнуто только в конфронтации с наиболее сильной культурой в мире. И поскольку вы не можете бороться с таким сильным противником обычными военными или дипломатическими средствами, то организованный терроризм становится неадекватным, но единственным решением. Именно в силу этих геополитических и социально-экономических тенденций современного мирового развития с глобальной экспансией западной цивилизации население многих стран традиционных обществ, особенно молодое поколение стран мусульманского мира, становится базой для рекрутирования в террористические организации.

Многие молодые представители стран мусульманского мира и вообще

стран с коллективистским типом культуры в целом могут в какой-то степени опереться на свою социально-культурную, религиозную идентичность. Но безнадежное ущемление прав их культурного сообщества внушает им чувство нахождения на обочине общества без четкой социально-культурной идентификации независимо от передачи им взрослым поколением исторического содержания их коллективной идентичности. И это постольку, поскольку самым важным аспектом этой идентичности для молодого поколения становится то, что она не дает им адекватного ответа на вопрос, какими путями можно достичь культурно одобряемых социальных целей, т.е. в этом аспекте она остается для них «пустой коллективной идентичностью» (Taylor, Louis, 2004, p. 179).

Именно поэтому для многих из них становится привлекательным предложение террористических организаций, которые, отталкиваясь от базовой социально-культурной и религиозной основы коллективной идентичности, предлагают им такую «обновленную» коллективную идентичность, которая содержит четко определенный путь для улучшения условий индивидуального и группового существования.

Коллективная идентичность террористической организации становится для индивидуального террориста нормативной основой соотношения для формирования своей личностной идентичности. С психологической точки зрения коллективная идентичность террориста становится для индивида в высшей степени привлекательной постольку, поскольку удовлетворяет базовую социальную потребность человека – потребность в принадлежности к группе. Она базируется на

«своей» социально-культурной идентичности; на религиозной основе, не требующей никакого особого подтверждения (независимо от того, в какой степени индивидуальный террорист знаком с основами своей религии); имеет четко определенное объяснение и рационализацию бесправного положения молодого поколения в частности и подавляющего числа членов общества в целом; а также предлагает четкий и ясный путь – как конкретный индивид может достичь социально одобряемого статуса и уважения. Кроме этого, коллективная идентичность, предлагаемая террористической организацией, дает общую перспективу достижения лучших условий группе и индивиду.

Необходимо подчеркнуть, что не для всех членов ущемленных в социальном плане групп привлекательно коллективное действие в форме терроризма. Во-первых, независимо от того, в каком бесправном положении находится социально-культурная группа, в любом обществе есть социальные сегменты, находящиеся в привилегированном положении: религиозные, политические или экономические элиты. Это члены группы, чье положение в обществе зависит от статус-кво; поэтому они не склонны к включению себя в какую бы ни было новую или обновленную идентичность, связанную с террористической активностью. Во-вторых, большинство членов социально-культурной группы обычно привержены к традиционной коллективной идентичности, даже если она не очень хорошо служит им в целом. Однако анализ формирования коллективной идентичности тех сегментов населения, которые не «тяготеют» к терроризму, помогает лучше понять привлекательность терроризма для молодого поколения.

В этой связи показателен анализ современных тенденций динамики социокультурной идентичности в исламских обществах, проведенный Ф. Мохаддамом, известным социальным психологом, имеющим солидный опыт жизни в исламском мире (Иран, Ирак) и признанным специалистом в области психологии терроризма.

В своей работе *«Терроризм с позиции самих террористов: что они переживают и думают, и почему они становятся террористами»* (Moghaddam, 2006) автор концентрируется на рассмотрении проблемы возникновения терроризма в исламском мире и предлагает ответ на вопросы: почему индивиды вовлекаются в террористические организации, каковы психологические процессы, с помощью которых они подвигаются на совершение террористических актов? В основу анализа он кладет концепцию кризиса социокультурной идентичности в исламских обществах в условиях глобализирующегося мира.

По его мнению, люди в исламском мире становятся террористами в силу того, что их традиционные общества позволяют им удовлетворить витальную потребность в идентичности, только вступая в такие относительно автономные исламские организации, как террористические группы (т.е. через «дополнение» традиционной социокультурной идентичности своего сообщества идентичностью террористической организации). Неспособность и невозможность реализовать индивидуальные права и развить свои личностные качества в рамках традиционной социокультурной идентичности порождает недовольство и отчаяние и стремление найти «новую» идентичность на основе традиционной,

вступая в террористическую организацию. Автор показывает также, что тогда как закрытость традиционных обществ и их ограниченность пределами исламского фундаментализма способствует формированию условий для приверженности террористов к разрушению, политика США в регионе с поддержкой деспотических правительств и репрессивной политики Израиля в отношении Палестины, превратили Соединенные Штаты в неизбежную цель терроризма. Он приходит к выводу, что военные усилия США не смогут искоренить терроризм на Ближнем и Среднем Востоке до тех пор, пока они сами не изменят свою политику поддержки современных деспотических режимов и более корректно не станут поддерживать развитие демократических условий в регионе. При этом автор признает наличие внутренних проблем у стран исламского мира в связи с современными глобализационными тенденциями мирового развития. Вести борьбу с кризисом социокультурной идентичности в исламских обществах он рекомендует через концентрацию усилий по формированию так называемой «контекстуальной демократии», которая позволит мусульманам обратиться к решению своих политических (по-видимому, внутренних) проблем, одновременно сохраняя свою аутентичную идентичность.

Итак, нормативная структура коллективной идентичности террористических организаций обеспечивает психологическую основу для индивидуального поведения, т.е. четко сформулированную совокупность групповых норм. Наряду с тем, что эта коллективная идентичность позволяет индивиду на личностном уровне «запустить» процесс форми-

рования индивидуальной идентичности и личностной самооценки, с течением времени индивид начинает просто следовать поведенческим нормам, конкретизированным в коллективной идентичности террористической организации. В межгрупповой ситуации, активизирующей групповую идентичность террориста, собственная группа индивида обуславливает соответствующие уставочные или поведенческие нормы, которых следует придерживаться, особенно по отношению к внешней группе. В психологическом плане социальная идентичность собственной группы (и террористической в том числе) опирается на положение, что ин-групповые нормы выполняют функцию «исключительного руководства» на поведенческом уровне в межгрупповых ситуациях взаимодействия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006 и др.). Осуществленные исследования помогают понять, как террористические группы влияют на группы большинства – они заявляют о себе громко, выступают регулярно и единым фронтом (Moscovici, 1994). Фактически террористические группы в своем сообществе – это группы меньшинств, обычно их взгляды считаются в обществе исключительно экстремистскими. Именно поэтому нормы коллективной идентичности террористической организации, как правило, являются максимально «рельефными», экстремально упрощенными и ясными для индивидуальных членов, исключаящими возможность какой-либо неправильной интерпретации. Такая ясность и упрощенность этих норм удовлетворяет важную психологическую потребность членов террористических организаций; дополняя коллективную идентичность социаль-

но-культурного сообщества, к которому они принадлежат, это позволяет им получить «вразумительный» ответ на вопрос о своей индивидуальной жизненной перспективе. Данное обстоятельство помогает глубже понять, почему террористическая организация становится такой привлекательной для конкретных категорий (членов) социально-культурных обществ, занимающих в современном геополитическом «мировом ландшафте» угнетенное положение.

Нормативная структура доминантных внешних групп и формирование коллективной идентичности террористической организации

В государствах и сообществах, занимающих невыгодное, «ущербное» положение в мировом социуме, в которых жизнь в связи с процессами глобализации приобретает хаотический характер, влияние и проведение международной политики наиболее развитых и «сильных» стран (введение эмбарго, инициация локальных конфликтов, культурная экспансия и т.д.) вынуждает рядовых членов этих сообществ как-то сопротивляться и защищать свой суверенитет, опираясь на свою коллективную идентичность. Молодое поколение этих стран не имеет такой сильной привязанности к своей коллективной идентичности, как старшее, и встает перед проблемой получения ясного ответа на вопрос: почему их социально-культурная общность так страдает и ущемляется в общем геополитическом ландшафте? Убежденность в существовании несправедливости, идентификация «зловредного врага», распространяющего несправедливость, а также приписывание этому

врагу ответственности за ущемленное положение своей этнокультурной группы в огромной степени упрощают для членов террористических организаций понимание истоков социальной несправедливости, перед которыми оказалась их социально-культурное сообщество. Для рядовых членов угнетенных социально-культурных групп этот объяснительный механизм зачастую принимает форму глобальной мировоззренческой установки (как защитной реакции) и убежденности в несправедливости мироустройства (Staub, 2001). Эта установка имеет психологическую ценность потому, что может выступать «точной репрезентацией» и объяснительной основой существования межгруппового неравенства и поддерживаться членами угнетенной группы, обеспечивая тем самым разумное руководство коллективным действием. Даже если эта глобальная объяснительная установка объективно не совсем верна, непротиворечивое понимание социальной несправедливости, которое она обеспечивает (как происходящей от зла и внешней доминантной группы), обладает специфической психологической ценностью. Она снимает неопределенность и позволяет экстернализовать вину на внешний мир и тем самым защитить и сохранить собственную самооценку.

Кроме этого, можно предположить, что идентификационные процессы, мотивирующие явления терроризма, выдвигаются на первый план в случае понимания терроризма как фундаментально интерактивного процесса. Другими словами, можно утверждать, что если потенциальные террористы сталкиваются с неопределенностью формирования коллективной идентичности своей со-

циально-культурной группы, они будут направлять свою эмоциональную энергию на отвержение внешней доминантной группы.

Фактически, чем больше неопределенность в подтверждении ценности и значимости собственной коллективной идентичности, тем больше вероятность того, что потенциальные террористы будут стремиться к формированию ясной, до предела упрощенной идентификационной парадигмы, позволяющей им определять себя как «не принадлежащих к внешней группе».

В психологической литературе по проблемам социального влияния неприятие, отвержение норм внешней доминантной группы обозначается термином «реактивное сопротивление» (Heilman, 1976) или «антиконформизм» (Neil, MacDonald, Levy, 2000). При этом исключительную важность приобретает связь между процессами оказания влияния и выстраиванием политической стратегии. Для угнетенных групп, ориентированных на отрицание статуса, их энергия отрицания приобретает самостоятельное политическое значение (например, социальное движение имеет такие лозунги, как «Спротивление», «Борьба с несправедливостью», «Расизм не пройдет» и т.п.).

Таким образом, осознанное нарочито показное отрицание влияния «врага» может обеспечивать террористическим организациям психологическую «анкетировку» для формирования собственного коллективного Я и новой ориентации для коллективных действий при отсутствии каких-либо позитивных параметров, позволяющих сформировать коллективную идентичность (Louis, Taylor, 2002). Поэтому, если говорить о стра-

нах мусульманского мира, «совмещенность» слабых силовых возможностей этих сообществ в достижении своих жизненных целей на мировом уровне с убежденностью в ответственности западного культурного сообщества (прежде всего американского), препятствующего достижению глобальных целей своего существования, становится основой деятельности террористических организаций, направленной на реализацию негативных последствий для внешних доминантных групп.

Именно поэтому, как это ни парадоксально, структура норм и ценностей доминирующих социально-культурных групп оказывает влияние на действия, которые предпринимают террористы. В той степени, в которой социокультурный подход к объяснению мотивации террористической деятельности позволяет приблизиться к пониманию существующих реалий и оказывается релевантным, следует еще раз повторить: доминирующая социально-культурная ценностная парадигма западной цивилизации – это тот главный мотивирующий фактор (с социально-психологической точки зрения), который детерминирует глобальный ответ сообществ, имеющих коллективную идентичность, для своей защиты, в том числе и мотивацию террористической деятельности.

В заключение кратко рассмотрим следующий вопрос: в анализе проблемы мотивации террористической деятельности с позиций социокультурного подхода в условиях глобализации акцент был сделан на несовпадении социально-идентификационных характеристик обществ с коллективистическим и индивидуалистическим типами культур. Воплощением последней является домини-

рующая западная индивидуалистическая культура. Но в спектре традиционных обществ также есть, по меньшей мере, две социально-культурные парадигмы: с одной стороны, страны мусульманского мира с пассионарной включенностью в политическую активность, социально-культурная идентичность которых, с точки зрения духовно-религиозных ценностей, может способствовать активизации террористической деятельности как глобальной реакции на доминирование западной культуры и угрозу своей социально-культурной идентичности и независимости, с другой – социально-культурная идентичность традиционных обществ с православной христианской ориентацией.

Отличительной чертой традиционных обществ такого типа является то, что базовый социально-культурный архетип их членов (включающий такие ценности, как смирение, милосердие, послушание, терпимость к членам иных этнических групп и т.д.) принципиально препятствует мотивации террористической деятельности при защите норм и ценностей своей социально-культурной идентичности. В истории нашего государства есть примеры участия его граждан в террористических организациях и осуществления террористической деятельности. Но важно подчеркнуть, что эта террористическая активность, как свидетельствует история, была направлена не на защиту традиционных устоев общества, а на их разрушение (т.е. эти террористические организации и их члены были своеобразными «проводниками», инструментом и орудием экспансии западной цивилизации на устои традиционного общества).

Для традиционных обществ, принадлежащих к православной ориентации,

конечным глобальным ответом на угрозу своего культурного существования, как показывает история, оказывается не террористическая активность, а сопротивление в форме всеобщего бунта. Естественно, это тема отдельного анализа. Но в условиях глобализирующегося мира и доминирования западного образа жизни конечным «ответом» одной наиболее «объемной» этнокультурной группы – русских – и других этнокультурных групп, близких им по мировоззрению, будет не терроризм, а сопротивление в форме глобального бунта. И об этом свидетельствует многовековая история нашей страны.

Борьба с международным терроризмом – это экзистенциальная проблема, связанная с пересмотром глобальных отношений мирового устройства. Еще раз можно подчеркнуть, что движение к однополярному миру по «лекалам» западной цивилизации – это губительный путь мирового развития. Если мы принадлежим к роду разумных существ, то должны осмыслить и признать необходимость смены существующей цивилизационной тенденции развития, т.е. понять и начать предпринимать действия, пока еще есть время для глобального межкультурного диалога, в том числе и на уровне политической воли руководителей стран, именно реального диалога, а не его декларации, и устройства мира с учетом более справедливых норм межгруппового взаимодействия.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психол. журн. 2004. Т. 25. №6. С. 73–81.
2. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология. М.: Форум-Инфра-М, 2006.

3. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. №4. С. 113–124.
4. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 2005. №6. С. 3–36.
5. Решетников М. М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // *Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора* / Под ред. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
6. Соснин В. А. Психология религии: американский опыт // *Психол. журн*. 2002. Т. 23. №2. С. 118–127.
7. Тарабрина Н. В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // *Психол. журн*. 2003. Т. 24. №4. С. 5–18.
8. Atran S. In Gods we Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. New York: Oxford University Press, 2002.
9. Blazak R. White boys to terrorist men: Target recruitment of Nazi skinheads // *American Behavioral Scientist*. 2001. N 44. P. 982–1000.
10. Burton J., Dukes F. Conflict series. Vol. 1–4. San-Francisco, 1990.
11. Ditzler T. F. Malevolent minds: the teleology of terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*. F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 187–206.
12. Heilman M. E. Oppositional behavior as a function of influence attempt intensity and retaliation threat // *Journal of Personal and Social Psychology*. 1976. N 33. P. 574–578.
13. Kaplan D. E., Marshall A. The cult at the end of the world: the terrifying story of the Aum doomstady cult, from the subways of Tokyo to the nuclear arsenals of Russia. N. Y.: Crown, 1996.
14. Louis W. R., Taylor D. M. Understanding the September 11-th terrorist attack on America: The role of intergroup theories of normative influence // *Analyses of Social issues and Public Policy*, 2002. V.2b. N1. P. 87–100.
15. Moghaddam F. M., Marsella A. Y. Introduction // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 3–7.
16. Moghaddam F. M. Cultural Preconditions for Potential Terrorist Groups: Terrorism and Societal Change // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.
17. Moscovici S. Three concepts: Minority, conflict, and behavioral style // S. Moscovici, A. Musshi-Faina, A. Maas (Eds.). *Minority influences*, Chicago: Nelson Hall, 1994. P. 233–251.
18. Nail P. R., MacDonald G., Levy D. A. Proposal of a four-dimensional model of social response // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126. P. 554–470.
19. Pearlstein R. M. The mind of a political terrorist. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.
20. Pilisuk M., Wong A. State terrorism: When the perpetrator is the government // C. Stout (Ed.). *Psychology of terrorism*. Praeger Publication, 2002.
21. Rapoport D. C. (Ed.). *Inside terrorist organizations* (2nd ed.). London: Frank Cass & Co, 2001.
22. Sederer L., Ryan K., Rubin J. F. The Psychological Impact of Terrorism: Policy Implications // *International Journal of Mental Health*. 2003. V. 32. N1. P. 7–10.
23. Staub E. Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. M. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
24. Taylor D. M. The quest for identity: From minority groups to generation Xers. Westport, CT: Praeger, 2002.
25. Taylor D. M., Louis W. Terrorism and the Quest for Identity // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*. F. M. Moghaddam and A. Y. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 169–185.
26. Психологи о терроризме: круглый стол // *Психол. журн*. 1995. Т.16. №4. С. 37–48.